

О СУДЬБЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК, КУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ И ИСПЫТАНИИ ДЕСЕМАНТИЗАЦИЕЙ

Е.Л. МИХАЙЛОВА

Статья посвящена анализу психологических практик, в особенности групповых и семейных, в контексте динамики культурной ситуации рубежа веков. Процессы десемантизации, наблюдаемые в разных сферах культурной практики и обычно связываемые с феноменом массового сознания, рассматриваются применительно к «расширенному воспроизводству психологических практик». Анализ их в более широком культурном контексте делает возможным новый взгляд на историю психотерапии и ее место в системе «личность-культура».

Ключевые слова: психологическая практика, культурная практика, культурный контекст, десемантизация, групповая психотерапия, семейная психотерапия.

*Побойся пустыни, стоящей за словом,
За этим кинжальчиком остроконечным!
Как трудно быть вечным. Как трудно быть новым.
И как все трудней быть и новым и вечным.*

Юнна Мориц

Много лет назад по Москве гулял явно привезенный издалека пластиковый пакет с довольно точной — без подрисованных усов и даже особых цветовых искажений — копией «Моны Лизы». Крупная белая надпись гласила: «Sorry, Gioconda!» И никому не надо было объяснять, за что «sorry»: по меньшей мере, за предсказуемую судьбу любого пластикового пакета, но не только...

Культурологи и искусствоведы немало лет дискутируют о проблеме подлинника и копии, и даже в их мире материально неизменных объектов это заслуживающий внимания и размышлений разговор — особенно в сегодняшнем знаковом поле спутанных контекстов и доступности любых визуальных изображений.

В «живых» социокультурных практиках все соотношения подлинного и поддельного неуловимы и изменчивы, а воспроизведение «один в один» может оказаться бессмысленным и даже разрушительным. К тому же название той или иной практики отрывается от ее содержания с легкостью необычайной — это вам не табличка в ногах музейного экспоната.

Если рассмотреть психологические и психотерапевтические практики не сами по себе, а как частный случай социокультурных практик — пусть даже и особого рода, с чем психотерапевту было бы странно спорить, — то к ним вполне применимо многое, что касается и других «третичных артефактов» [Коул, 1997]. Психотерапия переживает не только собственные кризисы развития, но и встраивается в более широкие процессы, происходящие в семиосфере — и, в свою очередь, влияет на эти процессы. «Мыслящие миры» различаются, но связаны: «Неразложимым работающим механизмом — единицей семиозиса — следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство» [Лотман, 1996]. И далее: «Представим себе в качестве некоторого единого мира, взятого в синхронном срезе, зал музея, где в разных витринах выставлены экспонаты разных эпох, надписи на известных и неизвестных языках, инструкции по дешифровке, составленные методистами пояснительные тексты к выставке, схемы маршрутов экскурсий и правила поведения посетителей. Поместим в этот зал еще экскурсоводов и посетителей, и представим себе это все как единый механизм (чем, в определенном отношении, все это и является). Мы получим образ семиосферы» [Лотман, 1996].

На сегодняшний день тот «уголок зала» — небольшой и не так уж давно появившийся, — который занимают психотерапевтические и психологические практики, сильно увеличился, в нем стало довольнолюдно и шумно. За «расширением экспозиции» легко не заметить, что многие происходящие процессы уже знакомы более традиционным практикам — например, художественным. При всей нелюбви автора к тяжеловесной терминологии, здесь без нее не обойтись: в наблюдаемом поле становления, развития и функционирования психологических практик явно прослеживаются тенденции, характерные для экспансии массовой культуры.

Одна из них — тенденция к десемантизации, то есть «утраты обозначающим соотношенности с обозначаемым», и именно на ней хотелось бы остановиться подробнее. Об этом много говорят в связи с «масс медиа», победным шествием информационных технологий, актуальным искусством — все это интересно, но на первый взгляд не

затрагивает напрямую нашу повседневную работу: встреча клиента и терапевта происходит на суверенной территории и по особым правилам, за ней стоят свои традиции и свой язык взаимодействия. Не иллюзорен ли этот суверенитет — вот в чем вопрос. Клиент и терапевт вряд ли могут быть свободны от великого множества культурных контекстов — уж хотя бы потому, что существуют в языковой среде. Наиболее ярко и явственно культурные контексты вплетаются в те психотерапевтические практики, которые им изначально открыты более других — в групповую и семейную психотерапию. Примеров можно было бы привести немало, но достаточно и одного: вспомним, как изменилось содержание того, что происходит в так называемых «группах личностного роста» по сравнению с «первоисточником» за несколько последних десятилетий. Нравится нам это или нет, но здесь мы явно имеем дело с частным случаем какого-то более общего процесса обрыва контекста — или, если угодно, корней — а с ними и смысловых связей. Если посмотреть на психотерапевтические и психологические группы именно как на социокультурную практику, мы увидим какие-то аспекты общей культурной динамики, в которой изменение места и смысла групп в жизни становится хотя бы заметно.

Между тем, в отношении психотерапевтических групп существует прочное убеждение, что о них известно все. Все изучено, посчитано, диссертации защищены — «следствие закончено, забудьте». В рамках той исследовательской парадигмы, которая дала тысячи эмпирических исследований, это и в самом деле так. Современному исследователю, как кажется, остается упорядочивать и систематизировать, а также привести свое исследование в соответствие «требованиям момента». Ну, хотя бы так: «1. Апробированная исследовательская Программа эффективности групповой работы с населением. Концепция проведения независимой комплексной психологической экспертизы российских и зарубежных методов групповой работы с населением. 2. Проекты создания нормативных средств контроля, коррекции и анализа состояния групповой работы.....»

Это не министерский циркуляр, а вводная часть методического пособия «Групповая работа. Стратегия и методы исследования» [Козлов, 2007].

Ну что же, на сегодняшний день в нашем «музее» намечается такая вот... экскурсия, и не одна. В пространстве семиосферы бывало всякое, оно живое, в нем все время происходит движение, а естественная попытка упорядочить этот процесс — тоже только часть и частность: «Стереотип истории литературы, построенный по эволюционистскому

принципу, создавался под воздействием эволюционных концепций в естественных науках. В результате синхронным состоянием литературы в каком-либо году считается перечень произведений, написанных в этом году. Между тем, если создавать списки того, что читалось в том или ином году, картина, вероятно, была бы иной» [Лотман, с. 169].

И здесь мы вынуждены вспомнить о том, что происходящие в психотерапии — и особенно в групповой — процессы тоже зависят не только от того, что думают, говорят, пишут и делают профессионалы — но и от того, какой смысл всему этому придает клиент (группа). И все это вместе пронизано и переплетено связями с другими процессами, происходящими в нашем общем «музее».

В самом деле, разве обращение к групповой психотерапии для сегодняшнего клиента — хоть российского, хоть западного — может значить то же самое, что значило для человека, допустим, 60-х? И разве не меняется любая идея по мере того, как ее «обживают» и практикуют разные люди, да еще десятилетиями?

Предельно «технологичный» и даже несколько карикатурный в этой своей рецептурности Клаус Фопель и то пишет в предисловии к «Технологии ведения тренинга»: «Начало 1970-х годов озаглавлено «бумом» групповой работы. Привыкшим к обычному обучению (докладам, дискуссиям, лекциям и академическим семинарам) психологам открылся новый мир. Они учились говорить от первого лица, выражать свои чувства, свои тайные желания и личный опыт. Мир групповой работы стал увлекательным приключением для душ и умов, в психологических группах много смеялись, плакали и любили» [Фопель, 2003]. И было бы как-то даже странно не вспомнить в связи с этим пассажем — а у российских психологов-практиков старшего поколения тоже есть что вспомнить о первых группах непосредственного опыта, — чем были для участников эти группы «там и тогда». То есть — в каком воздухе и на какой почве они стали для нас тем, чем стали, — и что происходило со всем этим дальше.

И если существует само понятие «судьба идеи», то в отношении практик, в которых встреча и взаимодействие живых людей является самым главным, это и подавно процесс. Групповая психотерапия, возможно, располагает какими-то универсалиями, общими для различных школ и подходов — но, как представляется, одной из них как раз и является ее контекстуальная чувствительность. Если бы групповая психотерапия не была адекватна культуре и жизни, она бы не работала. Культура же, как и жизнь, бывает разная: «времена не выбирают, в них живут и умирают». Давайте заглянем в тот раздел нашего обще-

го «музея», где живет культурная память «золотого века» групповой психотерапии: 60-е и около. И на этот раз постараемся помнить — remember — о полувековой истории, отделяющей нас от того времени.

Литературные памятники: иные голоса, иные комнаты

В те давние годы, когда многие групповые практики еще были более или менее «катакомбными», их родство с проектами, ориентированными на освобождение человеческого потенциала, изменение жизни к лучшему и прочими великими иллюзиями, было очевидно. Психотерапия всерьез «мыслила себя как часть некоего крупного проекта по переустройству общества» [Сосланд, 2006]. Собственно, мало кто из «наших великих» удержался от заявлений о том, что хорошая терапевтическая группа — это модель мира и как его отражение, и в ином смысле слова «модель». Как сказано у одного невероятно популярного в 60-е — и наглухо забытого сегодня — поэта: «авантюра не удалась — за попытку спасибо».

Якоб Леви Морено, создавший психодраму, но еще и много сделавший для распространения и признания групповой психотерапии в профессиональном сообществе, с самого начала видел в ней не просто удобную форму, а нечто действительно необходимое страдающему миру: «Мир, в котором живем мы все, далек от совершенства, несправедлив, а порой и аморален» — пишет Морено в работе «Спонтанность и катарсис», там же говорит и о том, что именно в терапевтической группе «обычный человек может подняться над этим миром и стать «представителем», голосом человечества: «Маленькое и незначительное существование здесь поднимается, обретая достоинство и уважение» [Морено, 1987]. Почти анекдотические — глядя из сегодняшнего дня — истории о том, как «Джей Эл» уже в послевоенные времена предлагал свое посредничество то для разрешения территориальных споров СССР и Китая, то по поводу зашедшей в тупик Вьетнамской войны, говорят не только об амбициях Морено, но и о его вере: «Он верил, что обмен ролями поможет достичь взаимопонимания и мира и что, проигрывая в драматическом действии социальные или политические конфликты, люди могут построить новый социальный порядок» [Марино, 2001].

При всех теоретических и человеческих несходствах Морено и Карла Роджерса мы легко можем услышать ту же «забытую мелодию для флейты» во многих высказываниях одного из создателей и лидеров практики «групп встреч». Трудно судить о том, было ли это и в самом деле лишь реализацией мечты Морено — возможно, не только.

Возможно, сам воздух 60-х генерировал веру в изменение, в «прорыв» — как тут не вспомнить лозунг революционной Сорбонны 68-го: «Будьте реалистами — требуйте невозможного!» Роджерс верил, что «фасилитаторский» тип взаимодействия может проявляться не только в психотерапевтической группе, но и в любом другом контексте. И если этому научатся многие и повсюду, что-то действительно изменится и для воюющих, и для отчаявшихся когда-либо договориться, и для утративших надежду быть услышанными: «Наш подход обращается к самым глубоким слоям человеческой личности и позволяет преодолеть враждебность», — говорил он [цит. по: Е. Сидоренко, 2001]. Искреннее желание показать «городу и миру», что можно соединить социальное и индивидуальное иначе — то есть лучше, — чем это бывает в настоящем социуме, витает над многими страницами хороших книг, написанных замечательными практиками: «Свободы сеятель пустынный, я вышел рано, до звезды...».

В статье, написанной в 80-е, то есть немного позже, и посвященной роли Зигмунда Фулкса в развитии групповой психотерапии, Малколм Пайнс говорит о не всегда осознаваемой даже профессионалами особой связи групповой психотерапии с культурным контекстом: «Психотерапевтические техники являются особыми формами человеческого взаимодействия и связи, то есть отношений. Они вплетены в культурный контекст, из которого могут быть извлечены лишь искусственно — и тогда рассматриваются как фигуры, лишённые фона, «второго плана». (...) Время и пространство психотерапевтической ситуации в группе разделяются всеми ее участниками, а не только одним экспертом-профессионалом и одним его пациентом, а это означает совместную ответственность за само создание психотерапевтической ситуации. Это новая форма человеческой связи с новыми же потенциальными возможностями, — группа, которая может сформировать свою собственную культуру (...) Подход Фулкса состоял в том, чтобы следовать всему, что его группы хотели внести в содержание своего взаимодействия или оставить за его пределами, а затем работать с последствиями этих действий» [Пайнс, 1983].

При всей сдержанности интонации здесь явно присутствует мысль о принципиально иной — помноженной на число участников, если выразиться несколько механистически — контекстуальной чувствительности групповой психотерапии, о ее потенциале отражения и трансформации воздействий знакового поля, «духов времени».

Вернемся к революционным 60-м, сделавшим терапевтические группы — на Западе, во всяком случае — заметным явлением. Когда,

как не в это время, идея «совместной ответственности за само создание психотерапевтической ситуации» могла быть так понята и принята, так отвечать умонастроениям эпохи...

В одном тексте Карла Роджерса — очень важно рассмотреть эти высказывания не вырванными из культурного пейзажа, а на его фоне — сказано: «У меня вызывают недоверие люди, которые эксплуатируют существующий ныне интерес к группам. По-видимому, они просто хотят получить рекламу, примкнуть к популярному движению» [цит. по: Е. Сидоренко, 2001]. Это написано в 1970 году — когда интерес к группам уже стал влиять на их образ в культуре, а «популярность движения» вовлекла в его орбиту столько и таких ведущих, что Роджерс прямо пишет об «антитерапевтических» особенностях и способах поведения. Наблюдений, видимо, было достаточно. Но, может быть, дело не только в этом: просто что-то уже заканчивалось или необратимо менялось. Может быть, звездный час энкаунтер-групп в Америке миновал или почти миновал и наставали совсем другие времена...

Лучшее, что сказано о конце американских шестидесятых — не календарном, а по сути — да еще и в декорациях, отчетливо напоминающих Эсален, да еще и с героем, очень похожим на Фрица Перлза, — сказано, конечно же, не психологом и не психотерапевтом. Не могу не поделиться с читателями-коллегами этим описанием, принадлежащим перу Кена Кизи. Да-да, того самого: «Пролетая над гнездом кукушки» — Николсон в вязаной шапчонке, страшная сестра Рейчел, психушка как квинтэссенция несвободы и, между прочим, очень занимательный образ психотерапевтических групп, проводимых отнюдь не фасилитаторами. Итак, Кен Кизи, эссе «Демон Максвелла»:

«Студенты выходили с его семинаров выбеленные телесно и духовно, как из старой прачечной. Его метод группового омовения назывался «Промывание мозгов по Вуфнеру». Однако сам доктор предпочитал называть его Реализацией Гештальта.

(...) Он снимает очки, рассматривает присутствующих, пока те не начинают ерзать, и начинает говорить.

— Моя задача проста: я хочу, чтобы вы осознали себя здесь и сейчас, и я буду препятствовать любой вашей попытке улизнуть от этого ощущения».

Дальше, представьте, описывается техника «горячего стула», рассуждения доктора о страхе пустоты и «демоны Максвелла», о раздвоенном сознании западной цивилизации — в общем, очень занятный текст, просто находка для иронической хрестоматии. (Сегодняшние студенты-психологи, слыша это описание сессии, зачастую бывают

шокированы: что, так можно? так бывает? какой же это метод — гештальт, психодрама или что-то еще? Приходится отвечать вопросами на вопросы: можно кому? бывает где и когда? «гештальт» и «психодрама» как они практикуются сейчас или полвека назад? Искушать юные умы контекстами, в которых они еле ориентируются, неразумно — но оставить их в состоянии исторической амнезии тоже как-то не совсем честно...)

Вернемся, однако, к тексту:

«А встретиться с доктором Вуфнером мне довелось и того позже. Это произошло через десять лет — весной 1974 года в Диснейленде».

Автор пишет сценарий для Голливуда по собственной повести — понятно какой, — сценарий у него не идет, родители болеют, он посещает «для вдохновения» больницу, где когда-то работал ночным санитаром и почти случайно оказывается вместе с ее главным врачом на съезде психиатров. Доктор Вуфнер должен выступать, но его нигде не видно.

«За время, проведенное на балконе, я осознал, что находился в плену иллюзий. Только законченный кретин мог надеяться увидеть того же *дикого проповедника* в нынешней атмосфере *всеобщего оцепенения*» (курсив мой. — *Е.М.*)

Потом оказывается, что старик там, только узнать его нелегко: инвалидное кресло, последствия инсульта. А что до дикого проповедника — тут как раз все в порядке, только это уже не принято. Речь Доктора Вуфнера пропитана горечью и вызовом — его показывают публике как анахронизм-диковину, а съезд психиатров живет отнюдь не по эсаленовским правилам. Вуфнер блистательно бестактен и при этом понимает, что «индустрия психического здоровья» непробиваема:

«Вы выходите на эту баррикаду лишь с одним оружием. Может, кто-нибудь скажет, с каким? А? Какие-нибудь догадки или предположения? Я помогу. Кто оплачивает это августейшее собрание?»

Все молчат. Весь зал погружается в гробовую тишину. И тогда старик издает презрительное хрюканье и разворачивает салфетку, на которой изображены логотипы спонсоров съезда».

Он и дальше ведет себя очень нехорошо, этот герой, «похожий на Перлза». Он говорит ужасные вещи: единственное, что я могу сделать, это привести вас в чувство... и если вам покажется, что существование здесь и сейчас слишком тяжело для вас... проше всего присоединиться к счастливым гиппопотамам [Кен Кизи, 2004].

Обиженные гости съезда долго не могут придти в себя после этого безобразия, но постепенно преодолевают неприятный осадок, смеясь

над стариком и пародируя его акцент — уж не немецкий ли? Один молодой доктор говорит об этом смехе — «всхлипывание на могиле»... В общем, блестящее и печальное эссе, и совсем не о старом «владельце дум». О времени, расставании с иллюзиями, безумии и свободе — «о жизни, о жизни, и только о ней».

И вот к чему эта история здесь. Мы прекрасно ощущаем — в отличие от наших студентов — разницу между шестидесятыми и серединой семидесятых, эта разница была отнюдь не только «американской». Что было дальше, нам тоже известно. Но наши ощущения, а также вполне рациональный и основанный на литературных источниках анализ культурной динамики — если бы мы захотели предпринять таковой — никак не коснулся бы собственно психотерапии, ее истории и будущего, ее собственных культурных героев.

Группы, всерьез и разительно изменяющие жизнь человека — это, как представляется, часть какого-то более общего «умонастроения», общей веры в изменение, в поиск своей правды, в личностный рост, в раскрепощение чувств: будьте реалистами — требуйте невозможного!

С тех пор групповая психотерапия — впрочем, только ли групповая? — сильно поприхла и гораздо в большей степени идентифицирует себя не с дерзкими порывами, а с обслуживанием принятых форм оказания медицинской, психологической и социальной помощи. Это логично, поскольку и девиз «Изменим жизнь к лучшему» в последней четверти прошлого века ассоциируется вовсе не с движением за актуализацию человеческого потенциала, а с торговой маркой «Phillips». Призыв «Только за безнадежные дела стоит по-настоящему сражаться!» желающие могут увидеть на оранжевых футболках, продаваемых в сети «Экспедиция». Это игра в «последних романтиков», и не худшая из возможных.

Смысл, готовый к употреблению

«Множащиеся сейчас психологические службы — это не просто еще одна отрасль практической психологии. (...) Это историческое для судьбы нашей психологии событие», — писал Ф.Е. Василюк в 1990 году. Цитирую эту замечательную работу по хрестоматии, изданной в 98-м [Василюк, 1998]. Когда читаешь эти строки сегодня, двадцать лет спустя, остро вспоминаются профессиональные тревоги и надежды тех лет, которые нынче в публичном доминирующем дискурсе именуется исключительно «лихими». Все, о чем робко мечтали коллеги, ведущие вечерами какие-то самодеятельные никому не понятные группы в учебных аудиториях, запертых на ножку стула, сбылось — и как тут

не вспомнить древних китайцев, у которых бытовало проклятие «Да сбудутся твои сокровенные желания»...

Групповая работа как инструмент психологической помощи признана. Программы утверждены, уровень подготовки специалистов планомерно повышается, такая-то психологическая служба создана по инициативе администрации такого-то региона, издано столько-то методических рекомендаций. Распространение «психологического» — текстов, практик, дипломированных специалистов — достигло невиданного размаха. Быстрое клонирование учебных программ и высших учебных заведений сделало свое дело, глянцево-журналы, телевидение и Интернет — свое. Заработали два мощнейших механизма тиражирования всего чего угодно. При этом опасности «рыночной» практической психологии видят и понимают все, а вот ее связь с официальным — как правило, академическим, но уплощенным, «гипсовым» стилем — не очевидна. Между тем, связь эта есть. Если угодно, ее не может не быть — она заложена в самом нашем постсоветском культурном наследии, в потребности профессионала в социальном одобрении, в том, чтобы быть понятым и принятым.

Когда речь заходит об экономике, мы часто встречаем словосочетание «запустить печатный станок», и сегодня даже далекие от экономической теории люди знают, что происходит при этом с покупательной способностью. Что происходит со смыслом и глубиной взаимодействия психотерапевтической группы, когда информационное поле перенасыщено «купюрами», не обеспеченными золотым запасом, тоже можно себе представить. Уже можно. Одним из серьезных искушений для всякого, кто думает о ведении психотерапевтических групп, является вера в то, что все уже описано и этими описаниями можно пользоваться.

И в самом деле, описано многое, есть и протоколы реальных сессий, и схемы, обобщающие чьи-то наблюдения за процессами, и описание «игр и упражнений».

Все это, разумеется, кто-то читает, степень иллюзорности, «морочка» при этом зависит не столько от самих текстов — они как раз сплошь и рядом удивительно ровного среднего качества — сколько от профессиональных убеждений читателя. Тому, кто ищет всего лишь стимула для собственных размышлений, письменные тексты этого рода повредить не могут, он понимает, что имеет дело со своего рода «зеркальным лабиринтом», отражениями и тенями, и ни за что иное их не принимает. Если читатель к тому же прилично образован, то в чем-то он даже может «брать поправку» на время написания текста, а

то и угадать какие-то первоисточники бойкой компиляции. А думает он при этом не об «играх и упражнениях» и не о «выборе интервенции», а все-таки о группе и о себе как части этой непростой и подвижной системы. Он понимает, даже и не задумываясь над этим специально, что смысл взаимодействию, будь то свободно плавающая дискуссия или структурированное упражнение, все равно придают сами участники, это их смысл. Понимает и то, что в разных группах все будет по-разному, включая действия ведущего, которые тоже редко когда можно полностью запланировать заранее.

Если «язык» группового взаимодействия в рамках того или иного метода — это родной язык, он густо переплетен связями, сложен и гибок, способен порождать свои «рифмы», «неологизмы», «двусмысленности»... Короче, ведет себя как любой живой язык. Но для того, чтобы пребывание в нем действительно стало подобно жизни в языковой среде, ведущий группу должен прожить собственное становление и развитие в этом качестве, пропитаться не только текстами метода, но и опытом, ощущениями. На это могут уйти годы, и так и должно быть.

Наивный же пользователь как психологических брошюрок, так и монографий относится к их текстам как к чему-то самодостаточному и воспроизводимому буквально.

Он словно верит, что в инструкциях ведущего свернут не потенциальный смысл, но значение, притом универсальное.

К текстам, описывающим групповое взаимодействие, он относится как к кулинарному рецепту, по которому можно приготовить настоящую еду.

Между тем, теория текста давно показала, куда ведет вера в совпадение кодов передающего и принимающего: «Таким образом, делается очевидно, что для полной гарантии адекватности переданного и полученного сообщения необходим искусственный (упрощенный) язык и искусственно-упрощенные коммуниканты: со строго ограниченным объемом памяти и полным вычеркиванием из семиотической личности ее культурного багажа» [Лотман, 1986].

Процесс, о котором довольно трудно — и порой нерадостно — думать в связи с делом, которому многие из нас верно служат и учат других, не может быть для психотерапии каким-то принципиально иным, чем для других социокультурных практик. Вера в однозначность — адекватность переданного и полученного сообщений — *нуждается* в этом самом «полном вычеркивании из семиотической личности ее культурного багажа». Возможно, мучительные размышления о том, зачем и кого мы учим или сомнения в отношении качества массовой

психологической помощи — уже не наше «цеховое» или академическое дело, ибо процесс, происходящий в знаковом поле, втягивает в себя все. Как писал в одном из своих крошечных эссе Лев Рубинштейн: «Эта амнезия — не есть болезнь. Это такое здоровье» [Рубинштейн, 2008].

Что же есть такого в культуре рубежа веков, что никак не могло не затронуть психотерапевтические практики, и в особенности групповые...

Давайте заглянем в ближайший книжный магазин, где на полке раздела «Психология» стоят вперемежку переиздания «Толкования сновидений», неувыдающий Эрик Берн, «Экспериментальная психология» Фресса и Пиаже, едва ли не полный Ялом в кошмарных переводах на скорую руку, брошюрки разной степени «желтизны» и официально одобренные руководства, где четко и однозначно изложены основные принципы, методы и приемы. Среди прочего — книги о том, как вести группы: «делай раз!» и «методика» прямо приведет к результату. Если мы повернем в соседний отдел, там наш глаз порадуют солидно оформленные тома, где любой может найти краткий пересказ «Войны и мира» и образцы правильных сочинений на тему «Духовные искания героев Толстого». Выйдя на улицу, увидим довольно качественные копии хороших картин, врезанных в городской пейзаж аккуратно между парковкой и помойкой (Sorru, «Всадница»). В метро стало меньше щитов с надписью «Психология — специальность XXI века», но поставленный мужской голос вещает о «бесплатной психологической помощи при страхах, стрессах, горе» — сразу после рассказа о том, что большинство возгораний в жилых помещениях происходит по вине жильцов и призыва сообщать о подозрительных лицах куда следует. Над Ленинским проспектом в канун Пасхи реют разноцветные перетяжки с Десятью заповедями — поднимешь голову и взгляд упрется в «Не убий»... а через пару километров — в предложение заплатить налоги и спать спокойно или еще в какую-нибудь чушь.

Что угодно и с чем придется — название и стоящее за ним явление словно потеряли друг друга. Сочинения больше не сочиняют, и так во всем. Студенты-психологи, не участвовавшие в реальности вообще ни в одной группе, деловито спрашивают: «Список упражнений к зачету писать?» В одной очень престижной и претендующей на глубину вузовской программе переквалификации «в психологи» на полном серьезе говорят, что настоящий тренинг личностного роста — это «est», «Лайф-спринг» и, простите, «Фиолетовые»; старого доброго Роджерса даже не упоминают. На участие в телемосте с Зеркой Морено во время довольно многолюдной 7-й Московской психодраматической конфе-

ренции записалось 14 человек. Прописью: четырнадцать. «Клипное сознание» уверено: все что угодно можно в любой момент скачать, а живьем-то зачем общаться с этой бабкой? «Одной из характерных и, увы, неистребимых особенностей нашей культурной ситуации является необходимость время от времени заново объяснять, кто есть кто и что есть что. Историко-культурная амнезия хоть и досадное, но неперемное условие протекания культурных процессов, и с этим приходится считаться. Что же делать, если все время приходится напоминать об очевидных вроде бы вещах» [Лев Рубинштейн, 2008].

Отсутствие восприимчивости к контекстам все чаще ведет к тому, что психотерапевты и психологи-практики вообще не ставят перед собой задачи порождения чего-то цельного и связного. Если нет связи между ответами на вопросы «кто?», «с кем?», «где?», «когда?» и последующими, получается чепуха.

Известная всем нам с детства игра, когда другие ответы прочитать нельзя, поскольку бумажка заворачивается — только в конце зачитывается рваный, абсурдный и потому порождающий неожиданные и веселые стыковки текст. Игра эта потому и дает свой вечный комический эффект, что в ней процедура обесмысливания управляема, произвольна. Это делается нарочно, на то и игра.

И чем, по существу, отличаются бойкие тексты про «десять способов простить измену» от программ учебных курсов, где за 32 часа (академических) молодым людям преподаются «методики психологической помощи в кризисной ситуации»? И то, и другое — дайджест с оборванными контекстами, «фанера». Более того, стилистическая несовместимость обоих текстов и часто встречающаяся взаимная неприязнь их авторов ничего не меняют в главном: они делают общее дело. Не специально и даже с наилучшими намерениями поставляют в знаковое поле «бумажные купюры», симулякры, знаки искусственного линейного языка, за которыми пусто. Утрата обозначающим соотношенности с обозначаемым на семиотическом уровне — это и есть десемантизация [Гак, 1998].

Рассказывая о групповой работе, будь то психотерапия или развивающий личностный тренинг, авторы множества руководств описывают инструменты этой работы как если бы речь шла об инструментальной функции в предметном мире: упражнение на сплоченность, на контакт, на то и это. Между инструкцией и тем, что на самом деле произойдет с участниками группы, когда те ее выполнят (или нет), лежит огромное и загадочное пространство, в котором собственно и рождается смысл того или иного действия для самих участников.

Предсказать вот этот самый смысл заранее невозможно, как невозможно полностью представить себе, что поймет и тем более подумает и почувствует человек, читая стихотворение. Если ему объяснят, что он должен понять и испытать, как это делается в средней школе, он, скорее всего, не испытает ничего. Чем более знакомой, понятной кажется инструкция, тем с большей вероятностью она будет понята однозначно, то есть окажется равна сама себе и тем самым бессмысленна. Многие известные групповые упражнения буквально убиваются самим этим знанием: если «сделать упражнение на доверие» и «доверять» — одно и то же, то внутренняя встреча с опытом доверия явно происходит не здесь и не теперь. Вот, к примеру, «групповое упражнение на доверие» вроде хорошо известных падений с поддержкой — оно часто делается в рамках учебных тренингов для психологов-практиков. Преподаватель ведет занятие, которое обычно нельзя покинуть — а зачем? Участники изображают терапевтическую или тренинговую группу, порой довольно увлеченно — и знают «правила игры». Человек, стремящийся быть адекватным и знающий, что имеется в виду, упадет назад как миленький, а остальные его как миленькие подхватят. Все они что-то испытают, а вот будет ли это «доверием» — большой вопрос. Никто же не будет на полном серьезе обсуждать, действительно ли словосочетание «телефон доверия» в его нынешней функции имеет какое-то отношение к доверию, нема дурных.

Особенно сомнительной становится связь «инструкция — действие — опыт» тогда, когда «игры и упражнения» описаны исключительно с точки зрения дающих инструкции или наблюдателей, а именно так строятся сборники тренинговых упражнений и методические рекомендации по групповой психотерапии. В коммуникативном пространстве, ставшем весьма прозрачным благодаря современным информационным технологиям, происходит постоянная утечка, «вымывание», уплощение и как следствие — тривиализация тех неожиданных, когда-то объемных и, возможно, глубоких смыслов, которыми когда-то были чреваты те же самые упражнения. До технологичности и тиражирования, до того, как стали «методичкой». Судьба описанного — да еще многократно — упражнения незавидна: от напряженной тишины, наэлектризованной чувствами и смыслами... к типовой «вакуумной нарезке» в формате тренинга общения... а там и вовсе к функции незатейливого развлечения на корпоративной вечеринке.

Довольно показательна здесь судьба известной психодраматической техники «Волшебный магазин». В отличие от базовых техник — вроде обмена ролями или дублирования — она имеет четкую сценарную

основу, при этом ведущий может напрямую влиять на то, «что получится». Вот и «получилось» — технику время от времени используют на корпоративах, в клубах и досуговых центрах. Это само по себе не хорошо и не плохо, это всего лишь предупреждение о возможной судьбе и других «игр и упражнений»: понятно, что и в психотерапевтической группе человек будет участвовать в таком действии совсем иначе, чем до «уценки». Более того, достаточно одного участника, когда-то игравшего в «Волшебный магазин» исключительно для развлечения — и смысл происходящего изменяется для всей группы: «окончилась жизнь — началась распродажа».

Впрочем, если смотреть на происходящее шире, ничего страшного в такой «вторичной переработке» нет: большинство выхолащенных тиражированием техник еще могут принести кое-какую пользу. Слегка цивилизовать сотню-другую подростков, позабавить усталых менеджеров, пока не надоедят и в этом сниженном качестве — это они еще потянут.

Что нужно сделать, чтобы обесмыслить или по меньшей мере выхолостить слово, образ, идею, мелодию?

Оборвать связи с другими системами семиосферы, выдрать из всех возможных контекстов.

Сделать «это» воспроизводимым и легкодоступным, исключить усилие и неопределенность как при порождении, так и при восприятии.

Исключить многозначность, варианты, придать линейный характер, свойственный искусственным языкам, а с ним и предсказуемость.

Создать избыточность, перепроизводство, а с ними и узнаваемость: «это» должно быть знакомо, понятно.

Собственно, достаточно. Уже одной «семантической поношенности» достаточно, чтобы убить хороший текст, ставший, на свою беду, слишком цитируемым...

Позволю себе на этот раз не приводить полевых наблюдений, показывающих, как это происходит в знаковом поле «помогающих практик». Наблюдения есть и их все больше, но приводить их здесь излишне: *деконтекстуализация, тривиализация, когнитивное упр(л)ощение и тиражирование через письменные тексты* происходят и не происходят не могут. Куда бы мы делись? По сему поводу можно испытывать разные эмоции, и не это главное.

Но вот, к примеру, посмотреть на реакцию других социокультурных практик на те же самые процессы в высшей степени любопытно. А там ведь чего только не происходит!

Вот хотя бы выставки. Не в переносном смысле лотмановской метафоры семиосферы как музея, а в прямом. Сплошь и рядом сегодняшняя концепция выставки — это намеренная *реконтекстуализация*: один объект и все, что вокруг, до и после, рядом и по поводу. Вот корни, вот плоды, вот подражания. Объект словно заново обретает «знаковое кровообращение».

Или литература — в ней всегда происходит много разного, но обратим внимание на биографические исследования и мемуары, вообще на non-fiction. Похоже, и здесь соединение, восстановление связей и хоть какой-то культурно-исторической целостности стало заметным процессом. Это делалось всегда, жанр не нов — но сегодня он стал нужен не только специалистам, а героями его становятся далеко не только знаменитости. Обычному читателю это стало интересно.

В культурном пространстве выделяются отдельные ниши, в которых поддерживаются редкие или исчезающие практики — от музеев ремесел до архаического кино. Люди, которые этим занимаются, образуют свои неформальные сообщества — сетевые в том числе, — становящиеся виртуальными музеями какой-нибудь частной и вроде бы навсегда ушедшей практики. С одной стороны бесконечные «сто хитов» и энциклопедии всего-чего-угодно, с другой — в высшей степени избирательный и осмысленный интерес. Хотите услышать, как Яхонтов читает Маяковского, — найдете в коллекции фаната из Челябинска и за небольшие деньги получите по электронной почте отреставрированную им запись. А «Золотого теленка» в исполнении покойного Андрея Миронова вы запросто купите в ближайшем книжном: пробки ли на дорогах тому способствовали или нет, аудиокниги сегодня слушают и издают, — значит, это кому-то нужно.

Архитектура захлестнута коммерческим новоделом, но именно сейчас можно видеть проявления горячего и страстного интереса к судьбе подлинников, появились даже книги об одной улице: «Большая Никитская» или «Покровка». Что и когда было здесь раньше, кто строил и жил, как называлось то и это... Тиражи невелики, но это читают, дарят — это для кого-то имеет смысл.

«Что же из этого следует? Следует жить...» Похоже, можно ожидать появления аналогичных процессов и в наших практиках — семиосфера же действительно едина. Не исключено, что старшее поколение психологов-практиков еще успеет чему-то из этого помочь.

Особенно если нам близко представление о культурной, знаково-семиотической опосредованности переживания, если категория смысла нужна нам не только для построения теории — тогда *имело*

бы смысл оглядеться и подумать не только о том, как должно быть — но и о том, как и почему *бывает*. И, возможно, увидеть — или даже пережить — совсем не то, к чему мы могли быть готовы даже десять лет назад. Да, тиражируемые практики обесмысливаются, и это неизбежно, но жизнь семиосферы продолжается и в ней найдется время и место для того, чтобы принять вызов, памятуя при этом, что «событие понимания может не состояться» [Василюк, 2008].

P.S. Телемост с Зеркой Морено мы — Федерация психодраматических тренинговых институтов — решили проводить в любом случае. И все-таки там было не четырнадцать человек, а около сорока. Тоже немного, но они вспоминают эту встречу. Имело смысл, похоже.

«Вы полагаете, все это будет носиться? — Я полагаю, что все это следует шить!»

ЛИТЕРАТУРА

- Василюк Ф.Е. От психологической практики к психотехнической теории. Психологическое консультирование и психотерапия. Хрестоматия. Том 1. Теория и методология / под ред. канд. психол. наук А.Б. Фенько, Н.С. Игнатъевой, М.Ю. Локтаева. М., 1999, с. 6.
- Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Кен Кизи. Демон Максвелла. Рассказы, эссе. СПб.: «Амфора», 2004, с. 482—494.
- Коул М. Культурно-историческая психология. М.: «Когито-центр», 1997, с. 145.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. Языки русской культуры. М., 1996, с. 15.
- Марино Рене Ф. История Доктора. Джей Л. Морено — создатель психодрамы, социометрии и групповой психотерапии. М.: НФ «Класс», 2001, с. 165—166.
- Рубинштейн Лев. Духи времени. М.: «КоЛибри», 2008, с. 27—28.
- Сидоренко Е.В. Психодраматический и недирективный подходы в групповой работе. Методические описания и комментарии. СПб.: Издательство «Речь», 2001, с. 70—71.
- Сосланд А.И. Психотерапия в сети противоречий. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2006, т.3. № 1.
- Фопель Клаус. Технология ведения тренинга. Теория и практика / пер. с нем. М.: Генезис, 2003. с. 5.
- Групповая работа. Стратегия и методы исследования. Методическое пособие / сост. проф. В.В. Козлов. М.: «Психотерапия», 2007.
- Pines M. 1983. The contribution of S.H. Foulkes to group therapy. In: *The Evolution of Group Analysis*. Ed. M. Pines, Routledge & Kegan, 281.
- The Essential Moreno*. Writings on Psychodrama, Group Method and Spontaneity by J.L. Moreno, M.D. Ed.: Jonathan Fox — Springer Publishing Company, 1987, p. 59.

ON THE DESTINY OF PSYCHOLOGICAL PRACTICES, CULTURAL CONTEXTS AND THE DESEMANTISATION TRIAL

Ye. L. Mikhailova

The paper presents an analysis of psychological practices, particularly group and family ones, seen in the context of the dynamics of the cultural situation emerging at the turn of the centuries. The processes of desemantisation observed in different spheres of cultural practice that are usually associated with the mass consciousness phenomenon are considered in their application to the “extensive reproduction of the psychological practices”. The analysis of these processes undertaken in a larger context allows a new perspective upon the history of psychotherapy and its place in the “personality-culture” system.

Keywords: psychological practice, cultural practice, cultural context, desemantization, group psychotherapy, family psychotherapy.

- Vasiljuk F.E. Ot psihologicheskoy praktiki k psihotekhnicheskoy teorii. Psihologicheskoe konsul'tirovanie i psihoterapija. Hrestomatija. Tom 1. Teorija i metodologija / pod red. kand. psihol. nauk A.B. Fen'ko, N.S. Ignat'evoj, M.Ju. Loktaeva. M., 1999, s. 6.
- Gak V.G. Jazykovye preobrazovanija. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1998.
- Ken Kizi. Demon Maksvella. Rasskazy, jesse. SPb.: “Amfora”, 2004, s. 482—494.
- Koul M. Kul'turno-istoricheskaja psihologija. M.: “Kogito-centr”, 1997, s.145.
- Lotman Ju.M. Vnutri mysljavih mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istorija. Jazyki russkoj kul'tury. M., 1996, s. 15.
- Marino Rene F. Istorija Doktora. Dzhej L. Moreno — sozdatel' psihodramy, sociometrii i gruppovoj psihoterapii. M.: NF «Klass», 2001, s.165—166.
- Rubinshtejn Lev. Duhi vremeni. M.: «KoLibri», 2008, s. 27—28.
- Sidorenko E.V. Psihodramaticheskij i nedirektivnyj podhody v gruppovoj rabote. Metodicheskie opisanija i kommentarii. SPb: Izdatel'stvo «Rech'», 2001, s. 70—71.
- Sosland A.I. Psihoterapija v seti protivorechij. Psihologija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki, 2006, t. 3, № 1.
- Fopel' Klaus. Tehnologija vedenija treninga. Teorija i praktika / per. s nem. M.: Genezis, 2003. s. 5.
- Grupповaja rabota. Strategija i metody issledovanija. Metodicheskoe posobie / sost. prof. V.V. Kozlov. M.: «Psihoterapija», 2007.
- Pines M. 1983. The contribution of S.H. Foulkes to group therapy. In: *The Evolution of Group Analysis*. Ed. M. Pines, Routledge & Kegan, 281.
- The Essential Moreno*. Writings on Psychodrama, Group Method and Spontaniety by J.L. Moreno, M.D. Ed.: Jonathan Fox — Springer Publishing Company, 1987, p. 59.